

Литовские Епархиальные Ведомости

Выходятъ 15-го Марта 1892 года.
Годъ тридцатый. Воскресеньямъ.

№ 11.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строчи взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 15 рублей. или 10 дѣльныхъ №№ Литовскихъ Епарх. Ведом. за прошедшіе годы и за настоящій 1892 годъ по 10 н. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редаціи Литовскихъ Епархіальныхъ Ведомостей.

Содержаніе № 11.

Мѣстные распоряженія. Назначенія. Мѣстные извѣстія. Назначеніе пенсій. Пожертвованіе. Отъ Литовскаго епарх. училищ. совѣта. Отчетъ. Неофициальный отдѣлъ. О духовныхъ стихахъ, употребительныхъ въ Брашевичскомъ приходѣ. Великій постъ, пасха и святаи въ г. Диснѣ, въ былое время. О состояніи церковно-приходскихъ школъ въ гор. Брестѣ.

Принимается подписка пожертвованій на памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Редаціи Литовскихъ Епархіальныхъ Ведомостей, въ г. Вильнѣ, въ церковномъ домѣ Пречистенскаго Митрополитальнаго собора.

Мѣстные распоряженія.

4 марта, взаимно перемѣщены, согласно прошеніямъ, священники церкви: Интурекской, Виленскаго уѣзда, *Іоаннъ Рыбцевичъ* и Прилуцкой, Брестскаго уѣзда, *Гавриилъ Калединскій*.

4 марта, на вакантное мѣсто псаломщика при Хоревской церкви, Пружанскаго уѣзда, назначенъ учитель Зельвянскаго народнаго училища *Іванъ Сачко*.

9 марта, на вакантное мѣсто псаломщика при Ковевской Единовѣрческой церкви назначенъ б. учитель губернскаго секретаря *Алексій Пенорокомовъ*.

Мѣстные извѣстія.

Назначеніе пенсій. По опредѣленію Св. Синода назначены пенсіи по Литовской епархіи по 130 р. въ годъ заштатнымъ священникамъ: 1) Добровольской церкви, Волковыскаго уѣзда, *Михаилу Савичу*, съ 28 сентября 1891 года, изъ Волковыскаго казначейства, 2) Зельвицкой, того же уѣзда, *Антонию Родкевичу*, съ 6 октября 1891 года, изъ того же казначейства.

1 марта, удостоены награжденія похвальными листами за усердную службу въ должности церковныхъ

старость: 1) Малоельянской, Брестскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Сюлки *Авксентій Дукинъ Левковичъ*, прослужившій въ означенной должности 34 года; 2) Козишской, Кобринскаго уѣзда, крестьянъ *Козишъ Семенъ Емельяновъ Григоричъ*, прослужившій 12 лѣтъ.

Пожертвованіе. Прихожане Зосимовичской церкви, Пружанскаго уѣзда, въ свою приходскую церковь пожертвовали икону святаго и чудотворца Николая въ кротъ и золоченной ризѣ въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича 29 апрѣля 1891 г. отъ опасности въ г. Огесу въ Японіи.

1 марта, рукоположенъ во священника къ Касутской церкви, Вилейскаго уѣзда, *Владиміръ Концевичъ*.

2 марта, скончалась просфорня Дубепской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Елена (Каролица) Ивановна Денисовичъ*, 73 лѣтъ отъ роду.

Отъ Литовскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

(Въ свѣдѣнію и исполненію).

1) 11-го числа минувшаго февраля Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ *Донатомъ* преподано Архинеастырское благословеніе за благотворную дѣятельность на пользу церковныхъ школъ, а отъ Литовскаго епархіальнаго училищнаго совѣта выражается искренняя признательность, слѣдующимъ лицамъ: 1) председателю Дисненскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, священнику *Александру Грязнову*; 2) членамъ того же уѣзднаго отдѣленія г.г. мировымъ посредникамъ *В. С. Бартошевичу* и *Е. М. Крылову* и г. мировому судѣ *А. И. Войцеховичу*; 3) священнику *Узлянской церкви, Вилейскаго уѣзда, Михаилу Рожковскому*, открывшему въ своемъ сравнительно небольшомъ приходѣ 12 школъ грамоты и весьма высоко поставившему ихъ какъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніяхъ, такъ и со стороны ихъ матеріальнаго благоустройства, и 4) учительницѣ *Чересской женской церковно-приходской школы, женой мѣстнаго священника Маріи Михайловны Бѣлявской* за усердное и съ полнымъ знаніемъ дѣла веденіе школьнаго обученія и за отличное обученіе ученицъ рукодѣльямъ; 2) Усатривая изъ отчетовъ уѣздныхъ отдѣленій, что не во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ имѣются описи школьнаго имущества и каталоги книгъ и учебныхъ пособій,

епархiальный училищный совѣтъ, на основанiи постановленiя своего, утвержденнаго Его Высочайшимъ Высочайшимъ 11 мiнувшаго февраля за № 464, вмѣняетъ вновь въ непрѣмливую обязанность завѣдующимъ церковно-приходскими школами составить при участii учителей и учительницъ таковыя описи и каталоги, а о.о. наблюдателямъ вмѣняетъ въ обязанность наблюдать за исполненiемъ этого требованiя и помѣщать объ этомъ въ своихъ отчетахъ. Вмѣстѣ съ симъ епархiальный училищный совѣтъ, на основанiи того же постановленiя, проситъ о.о. настоятелей тѣхъ приходоу, въ которыхъ доселѣ нѣтъ ни церковно-приходскихъ школъ, ни школъ грамоты, позаботиться объ открытiи таковыхъ, подч. опасенiемъ отвѣтственности за перадрiе о приходѣ въ случаѣ неоткрытiя оныхъ въ ближайшемъ будущемъ.

Отчетъ Ковенскаго отдѣленiя епархiальнаго комитета по сбору пожертвованiй въ пользу голодающихъ за февраль.

- 1) Оставалось къ 1 февраля 484 р. 46 к.
 - 2) Въ февралѣ собрано по церквамъ: а) Ковенскому собору 18 р. 83 к., б) Кейданской 13 р. 16 к., в) Таурогенской 14 р., г) Юрбургской 2 р. 30 к., д) Козачиженской 3 р. 60 к. и е) Красногорской 3 р., всего 54 р. 89 к.
 - 3) Получено отъ Шавельскаго благочиннаго изъ Шавельской церкви 13 р. 38 к. и Хвалойнской 14 руб., всего 27 р. 38 к.
 - 4) Получено отъ Вилкомирскаго благочиннаго 15 р.
 - 5) Получено отъ Россiонскаго исправника собранныхъ по подписному листу 6 р.
- Итого 103 р. 27 к.

Къ 1 марта въ остаткѣ 587 р. 73 к.

Всего съ сентября 1891 г. поступило 1259 р. 40 к.

Неофициальный Ондль.

О духовныхъ стихахъ, употребительныхъ въ Брашевичскомъ приходѣ, Кобринскаго уѣзда.

(Окончанiе)

Вотъ и всѣ почти народныя пѣсни духовнаго содержанiя, какія можно слышать теперь въ Брашевичскомъ приходѣ. Ихъ такъ немного, что въ общей массѣ народныхъ пѣсней онѣ теряются до незаметности. Такая бѣдность народа духовными пѣснями при обилии другихъ пѣсней на первый взглядъ представляется непонятною. Странно, что народъ, вообще такъ склонный къ выраженiю въ пѣснѣ своихъ чувствъ, думъ, симпатiй по поводу всякаго выдающагося историческаго или бытоваго явленiя, оказавъ такъ мало чувствительности въ области своей религиозно-правственной жизни. Еще страннѣе должно казаться это, если вспомнимъ, что въ послѣднемъ отношенiи народъ имѣлъ неизреченную стороннюю помощь, простиравшуюся до навязыванiя ему готовыхъ набожныхъ пѣсней, и каковы напр. пѣсни Богогласника или выше разсмотрѣнный стихъ о вѣрѣ. Но дѣло объясняется просто: большинство набожныхъ пѣсней забыто народомъ, и мы имѣемъ въ своемъ распоряженiи лишь то, что не успѣло еще забыться, но уже близится къ забвенiю. Старшiе говорятъ, что въ молодости своей много слышали набожныхъ пѣсней, какихъ теперь уже не поютъ. Нѣкоторые сознаются, что они сами они знали „колысь“ много

такихъ пѣсней, да позабыли. Съ грустнымъ вздохомъ вспоминаютъ они объ этомъ „колысь“, когда, по ихъ словамъ, молодежь предпочитала набожныя пѣсни всѣмъ другимъ, и съ сожалѣнiемъ смотрятъ на нынѣшнюю молодежь, не идущую по стопамъ предковъ. Такъ обр. ясно, что малочисленность пѣсней духовнаго содержанiя есть слѣдствiе постепеннаго вымиранiя ихъ. Что вымиранiе несомнѣнно происходитъ, видно изъ того, что онѣ, за очень рѣдкими исключенiями, не перешли въ молодое поколѣнiе, но остаются лишь въ памяти старожилонъ, ряды которыхъ съ каждымъ годомъ замѣтно рѣдѣютъ. То, что говорилось выше о большей или меньшей распространенности той или другой пѣсни въ народѣ, нужно понимать весьма относительно. Вообще набожныя пѣсни, сравнительно съ другими пѣснями, очень мало распространены и очень рѣдко поются. Весьма возможно, что мы живемъ наканунѣ полнаго исчезновенiя ихъ изъ памяти народной.

Что за причина этого явленiя? Почему изъ круга народныхъ пѣсней эта группа должна исчезнуть и уже близится къ тому? Прежде всего тутъ можно указать на то обстоятельство, что изъ другихъ пѣсней, ненабожныхъ, одиѣ составляютъ непрѣмливую принадлежность обрядовъ, сопровождающихъ напр. свадьбу, коляду, дожинки и т. п., слѣд., поются регулярно въ извѣстныхъ случаяхъ или въ извѣстные сроки. Другiя по своему характеру умѣстны во всякой веселой компанii, почему поются весьма часто. Набожныя пѣсни лишены обонъ этихъ преимуществъ. Что въ старину онѣ также пѣлись болѣе или менѣе регулярно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя. Вспомнимъ хожденiя на фесты въ костелы и монастыри. По рассказамъ старожилонъ во время этихъ хожденiй, особ. же по прибытiи на мѣсто, богомольцы часто огромными толпами распѣвали набожныя пѣсни. Этимъ путемъ онѣ наиболее поддерживались и распространялись въ народѣ. Но тѣ времена безвзвратно прошли. Хожденiя на поклоненiе „Бомболю“ и Езуу съ якобы отрастающими волосами на головѣ смѣнились путешествiями въ Кiевскiе и другiе православныя святины. Пѣнiе массами народа польскихъ и своихъ набожныхъ пѣсней отошло въ область преданiя. Съ этимъ вмѣстѣ онѣ потеряли свою родную почву, пресѣкся главный путь распространенiя ихъ въ народѣ, порвалась связь ихъ съ текущею жизнью народа. Хранителями и пѣвцами ихъ сдѣлались единичныя личности. Какъ требующiя некотораго благоговѣйнаго настроенiя, слѣд., не во всякое время удобныя для пѣнiя, онѣ должны были раздаваться рѣже и рѣже (преимущественно въ дни Филиппова и Великаго постовъ). Чрезъ это онѣ мало по малу должны были приходиться въ забвенiе даже у набожныхъ стариковъ и старухъ, не говоря уже о молодомъ поколѣнii, которое не имѣло ни интереса, ни даже возможности перенять ихъ.

Но указанная причина вымиранiя народныхъ пѣсней духовнаго содержанiя не есть главная. Прекращенiе обычая распѣвать ихъ на праздникахъ около церквей и костеловъ не помѣшало бы народу помнить и хранить ихъ, если бы онѣ видѣли въ томъ свой интересъ. Но то, что онѣ забываются и большая часть уже забыта, показываетъ, что онѣ потеряли свое значенiе для народа, и народъ мало дорожитъ ими. Чтобы понять все значенiе, какое духовныя пѣсни могли имѣть для народа въ старину, нужно мысленно перенестись въ тѣ времена, когда грамотность еще не проникла въ народъ, когда весь онъ топталъ въ глубокомъ мракѣ невѣжества, когда для высшаго сословiя, для панонъ,

онъ былъ только быломъ — вьючимъ скотомъ, не смѣшимъ и думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ отбыванія панщины. Нужно думать, что въ тѣ времена систематическаго оскопчиванія нашего крестьянина религиозное чувство было тѣмъ живѣе, чѣмъ болѣе подавлялось человѣческое достоинство. Покинутый своими передовыми людьми, ушедшими въ славянство, и поруганный въ своихъ святыхъ, почти не находя нравственной поддержки у своего пѣвческаго и безельнаго духовенства, народъ въ одной религии могъ находить силы для перенесенія своей тяжелой доли. Но какъ его понятія въ области христіанства были слишкомъ скудны и смутны, такъ его религиозное чувство являлось съ характеромъ крайне неопредѣленнымъ: душа стремилась высказаться, но не имѣла словъ, не имѣла соотвѣствующихъ понятій. Это однако не мѣшало интенсивности чувства, напротивъ, — чѣмъ оно логически безпомощнѣе, тѣмъ болѣе овладѣваетъ душою, тѣмъ сильнѣе движетъ человѣка. Набожныя пѣсни, какъ созданныя такимъ чувствомъ, служили прежде всего естественнымъ выраженіемъ его. Онѣ давали исходъ накопившему гору, въ нихъ, какъ въ молитвѣ, изстрадавшая душа находила себѣ облегченіе. Въ подтвержденіе такого именно значенія для народа набожныхъ пѣсней можно указать на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мысль стоитъ рѣшительно на второмъ планѣ, т. е. содержанію онѣ представляютъ иногда вѣчто такое, въ чемъ трудно добиться смысла; напр. двѣ пѣсни, не имѣющія между собою ничего общаго, кромѣ пѣнства, сплавляются въ одну, при чемъ иногда онѣ страдаютъ: у одной урѣзывается конецъ, у другой начало¹⁾. Тоже самое доказывается и фактомъ заимствованія чуждыхъ польскихъ пѣсней, иногда цѣликомъ, безъ всякой передѣлки. Подобныхъ заимствованій мы не найдемъ въ другихъ областяхъ народнаго творчества. Польскія пѣсни иногда были болѣе чѣмъ наполовину незнакомы для народа, но это однако не мѣшало ему перенимать и пѣть ихъ. Почему? Потому что народъ въ набожной пѣснѣ прежде всего искалъ исхода для своего религиознаго чувства, а чувство такъ же хорошо можетъ быть выражено въ звукъ, какъ и въ словъ; часто даже музыка звуковъ болѣе способна къ выраженію его, чѣмъ узкія рамки слова. Такъ обр. на набожныя пѣсни нужно смотрѣть, какъ на пѣсни по преимуществу, т. е. какъ на непосредственное выраженіе чувства, гдѣ музыкальная сторона не менѣе важна чѣмъ содержаніе. Поэтому очень желательно, чтобы мотивы народныхъ пѣсней, особенно набожныхъ, записывались такъ же тщательно, какъ текстъ ихъ.

Тѣмъ, что сейчасъ было сказано не исчерпывается значеніе набожныхъ пѣсней для народа. Имъ нельзя отказать и въ некоторомъ воспитательномъ значеніи. Онѣ въ свое время

1) Такъ, въ заключеніе пѣсни „Тэперъ на свѣты вѣлыкая зрада“ поется, какъ ея продолженіе, не имѣющей съ нею никакой связи стихъ въ честь св. Николая:

У Черняковы пуда выявляють,

Тамъ Мыколая выхваляють, —

Отъ полудня до полночи:

Мыколаю до мочочи!⁴⁾

Или: въ стихѣ о грѣшной дѣвѣ конецъ со словъ „Скоро дѣвка сповѣдь мѣла“ иногда опускаются, а взамѣнъ его представляется картина страннаго суда:

Свѣтлый Михаль въ трембы грае,

Да усі души обужжае:

Станьтэ души, на сондэ Божий... и проч.

Между тѣмъ обыкновенно эти стихи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ входятъ во вторую половину полупольской пѣсни „О Взусе крѣжованый“:

для народа составляли родъ школы, гдѣ христіанское ученіе переваривалось народомъ по своему, примѣнялось къ его понятіямъ, облакалось въ родные, понятные образы и такимъ образомъ вводилось въ плоть и кровь его. Живое христіанское чувство возвышало народъ до постиженія самыхъ глубокихъ сторонъ христіанства¹⁾, а благодаря творческой силѣ его то, что проповѣдуется въ церкви какъ отвлеченный догматъ, являлось въ пѣснѣ какъ родное для него, имъ самимъ выжитое, становилось, такъ сказать, элементомъ народности и, какъ такое, прививалось съ легкостью. Такъ обр. пѣсни духовнаго содержанія имѣли не малое значеніе для народа въ смыслѣ христіанизаціи его: онѣ облагораживали народъ путемъ проведенія въ сознаніе и жизнь его христіанскихъ началъ. Пояснимъ сказанное примѣромъ. Известно, какъ систематически подавлялось человѣческое самосознаніе въ нашемъ крестьянствѣ во времена крѣпостнаго права. На шеѣ его сидѣли панъ и жидъ. И тотъ и другой кормился трудами рукъ его, но это не мѣшало имъ презирать его, глумиться имъ, глумиться надъ его святынями: для одного онъ былъ „быдло“, для другого — „хамъ“. Вѣка такого отношенія къ народу могли приучить его считать себя низшею расою, безправною и безотвѣтною, самимъ Богомъ осужденною на рабство панамъ. Отдѣльныя личности, можетъ быть, и дѣйствительно приходили къ такому взгляду на себя, столько же нехристіанскому, сколько и нагубному для народнаго достоинства и самоуваженія²⁾. Но этого нельзя сказать о народѣ. Вспомнимъ главную мысль стиха о Лазарѣ. Панъ Вальменъ и нищій Лазарь — братья-близнецы. Благодеиствіе одного и злополучіе другого — слѣдствіе неодинаковой доли, данной имъ Богомъ. Но ни Вальменъ не въ правѣ превозноситься своимъ богатствомъ, ни Лазарь — отчаяваться. Это ничего не значитъ, что Вальменъ считаетъ Лазаря хуже собаки: въ очахъ Божіихъ онъ достоинѣе и лучше этого безсердечнаго пана. Вся вина Вальмена полагается въ томъ, что онъ отрекся отъ Лазаря, не признавъ его своимъ братомъ. Такъ обр. въ то время, какъ панъ смотрѣлъ на хлона какъ на быдло, хлонъ въ глубинѣ души своей считалъ себя братомъ пана, хотя и обиженнымъ несчастною долею, но все таки братомъ, даже не младшимъ, а ровесникомъ, близнецомъ, слѣд., имѣющимъ одинаковыя права съ нимъ³⁾.

1) Здѣсь нѣтъ никакой идеализаціи: многое, чего нельзя сказать объ отдѣльныхъ личностяхъ, составляющихъ народъ, съ полнымъ правомъ можно приписать народу, какъ коллективной единицѣ.

2) Одинъ священникъ рассказывалъ мнѣ, что на экзаменахъ для полученія льготы по воинской повинности, при рассказѣ ученика о происхожденіи всѣхъ племенъ и народовъ отъ 3 сыновей Ноевыхъ, на вопросъ свой: „Отъ кого же ты происходишь?“ онъ не разъ получалъ отвѣтъ: „Отъ Хама“.

3) Конечно, было бы слишкомъ смѣло и наивно утверждать, что народъ именно такую мысль соединялъ со стихомъ о Лазарѣ. Но этого и не требуется вовсе. Довольно того, что народъ могъ хотя смутно предчувствовать это. Народъ живетъ не анализомъ понятій, а чувствомъ. Идея, облеченная въ конкретный образъ, сливается съ нимъ и какъ бы исчезаетъ за нимъ: народъ не можетъ ея выдѣлить, выразить, формулировать. Она ему сказывается какъ неопредѣленное чувство, что не умаляетъ однако ея воспитательнаго значенія: она все таки живетъ въ народѣ, если не въ головѣ, то въ сердцѣ его, не сознательно стихійно; — и когда настанетъ время господства ея, народъ окажется подготовленнымъ къ ней и самъ выразитъ ее сознательно, т. е. найдетъ ее въ глубинѣ духа своего и обнаружитъ. Все это примѣнно и къ идее равенства въ стихѣ о Лазарѣ.

Такъ набожныя пѣсни, выразивъ христіанское ученіе о равенствѣ всехъ людей предъ Богомъ примѣнительно къ бытовой обстановкѣ народа, помогла ему среди униженія сохранять во всей силѣ идею о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и тѣмъ сохранила его самого способнымъ къ лучшей будущности.

Такъ въ свое время пѣсни духовнаго содержанія имѣли огромное значеніе для народа. Тогда народъ цѣнилъ ихъ, берегъ и время отъ времени расширялъ кругъ ихъ, занимая цѣлкомъ или передѣлывая польскія пѣсни. Теперь видимъ обратное явленіе: онѣ, какъ сказано выше, замѣтно вымираютъ. Это значитъ, что теперь значеніе ихъ для народа пало, народъ не дорожитъ ими болѣе, и онѣ осуждены на забытіе. Мы видѣли, при какихъ условіяхъ набожныя пѣсни создались, имѣли свой смыслъ и были даже необходимы для народа: это мракъ уни и гнетъ крѣпостного права. То и другое пало. Нашъ крестьянинъ пробужденъ къ новой жизни. Панскій гнетъ смѣнился самоуправленіемъ. Мракъ невѣжества все болѣе и болѣе разсвѣтается подъ дружными ударами школы и просвѣщенныхъ пастырей. Духовная жизнь народа можетъ развиваться легко и свободно. Въ ней не можетъ быть той односторонности, той сосредоточенности въ одномъ чувствѣ, которая въ набожной пѣснѣ находила себѣ исходъ, какъ страданіе въ вопляхъ: школа и церковное учительство дали сильный толчекъ народной мысли, пробудившаяся же мысль умѣряетъ чувство. Оттого новыя набожныя пѣсни создаваться не могутъ. Изъ старыхъ же народъ выросъ. Онѣ болѣе не соответствуютъ его потребностямъ, не выражаютъ его духовной жизни. Если прежде онѣ были молитвеннымъ воплемъ народа, поруганнаго и забытаго, то теперь, при несравненно лучшихъ условіяхъ народной жизни¹⁾, воплю этому очень естественно умолкнуть. Если прежде онѣ были въ некоторомъ родѣ школой, средствомъ христіанскаго воспитанія народа, то теперь, при обиліи другихъ средствъ, это ихъ значеніе должно исчезнуть какъ тусклый свѣтъ свѣчи въ полномъ сияніи солнца. Слономъ, набожныя пѣсни, такъ сказать, оторвались отъ круто взмѣнивавшегося теченія жизни и остались далеко позади ея²⁾. Оттого и сохраняются онѣ еще только среди старыхъ людей, живущихъ преимущественно прошлымъ. Въ молодомъ же поколѣніи можно встрѣтить даже насмѣшливое отношеніе къ нимъ. Такъ подростки часто смѣются надъ тѣмъ, что было святыней ихъ дѣтства.

Вѣрность сказаннаго о причинахъ вымиранія духовныхъ пѣсней подтверждается тѣмъ, что онѣ сравнительно крѣпче держатся среди женской половины народа. Женщина переживаетъ тотъ періодъ развитія, который уже пройденъ

¹⁾ Старожилы, обыкновенно такъ склонные къ восхваленію „доброй старины“, сознаются однако, что теперь живется лучше, чѣмъ въ старыя годы, за панщину. Но, вѣрные себѣ, они высказываютъ свое одобреніе настоящему съ некоторой оговоркой: „Жить то теперь лучше, да люди стали хуже, держатъ своевольны, непочтительны къ старшимъ, не усердны къ церкви“. Наблюденіе глубоко вѣрное. Пробудившееся сознание обыкновенно начинается съ неуваженія и даже глумленія надъ тѣмъ, предъ чѣмъ человекъ безсознательно преклонялся прежде. Но оканчиваетъ оно обыкновенно уваженіемъ, но уже сознательнымъ и свободнымъ, — уваженіемъ передъ происшедшею для него истинной, а не передъ ея непонятной формулой.

²⁾ Къ этому нужно прибавить неодобрительное отношеніе къ нимъ духовенства, какъ къ памятникамъ уни, изобилующимъ иногда притомъ польскими словами.

мужчиной. Новый строй жизни еще почти не успѣлъ коснуться ея. Грамотность считается для нея излишней; въ существующія школы дѣвочекъ не посылаютъ, да и не могли бы посылать за переполненностью ихъ учениками; специальныхъ же школъ для дѣвочекъ нѣтъ. Самимъ поломъ своимъ женщина поставлена въ сторонѣ и Потѣ другихъ образовательныхъ средствъ, оказывающихъ вліяніе на мужчину. Работать не разгнѣвая сины — вотъ все, что отъ нея требуется. Крестьянинъ и женится для того, чтобы взять работницу въ домъ. Если къ этому прибавить испытываемый ею въ семейной жизни тяжелый, грубый гнетъ, въ которомъ такъ часто сказывается неулегшаяся животность прусскаго челоуѣка, то мы поймемъ, что какъ ни низко стоитъ нашъ крестьянинъ относительно умственного и нравственнаго развитія, по себѣ и до этого далеко. Знаніе съ грѣхомъ пополамъ ежедневныхъ молитвъ, — вотъ все, чего остается пока желать отъ нея духовенству. Чуждая просвѣтительнаго вліянія школы и вслѣдствіе меньшаго развитія менѣ воспримчивая къ средствамъ просвѣщенія, доставляемымъ церковью, къ тому же часто угнетенная и забитая пльвиоу-мужемъ, женщина въ набожныхъ пѣсняхъ находитъ и выраженіе для своего религіознаго чувства и почерпаетъ уроки христіанства. Такъ обр. для женской половины народа эти пѣсни сохраняютъ еще нѣкоторое значеніе, а потому и держатся въ ней еще сравнительно крѣпче. Нужно думать, что школы для дѣвочекъ изгонять ихъ изъ послѣдняго убѣжища.

Но если набожныя пѣсни потеряли свой смыслъ для народа, то для насъ онѣ сохраняютъ полное значеніе. Ихъ историческій интересъ отъ нихъ неотъемлемъ. Это — свидѣтельство народа о самомъ себѣ, которое тѣмъ болѣе цѣнно, что представляетъ собою ничто иное, какъ уцѣлѣвшіе остатки давно минувшей жизни его. Если въ холодномъ камнѣ гений народа и его минувшая жизнь отпечатлѣвается достаточно сильно, если по оставшейся полуразбитой колоннѣ или даже части ея, найденной въ мусорѣ, составляютъ наглядное представленіе о всемъ зданіи, воспроизводятъ стиль его, заключаютъ о степени развитія народа и его культурныхъ особенностяхъ, то не тѣмъ ли важнѣе должны быть для изслѣдователя остатки духовнаго творчества, въ гдѣ душа народа говоритъ съ нимъ лицомъ къ лицу, гдѣ минувшія судьбы его сказываются непосредственно, а не при помощи рѣзца и камня? Какъ такіе остатки, народныя пѣсни духовнаго содержанія представляютъ прекрасную иллюстрацію къ историческимъ даннымъ о прошедшей жизни нашего народа въ религіозно-бытовомъ отношеніи. Не пытайтесь на основаніи приведенныхъ пѣсней построить болѣе или менѣе цѣльную картину религіозной жизни народа во времена уни, такъ какъ для этого ихъ слишкомъ мало, мы ограничимся передачею общаго впечатлѣнія, какое выписится изъ нихъ объ этой жизни.

Первое впечатлѣніе будетъ не въ пользу народа. Пѣсни его показываютъ, что онъ не уберется отъ польско-католическаго вліянія. Оно особенно сильно сказалось въ религіозномъ отношеніи. Такъ, народъ чествовалъ католическихъ святыхъ и цѣлъ сложеныя о нихъ пѣсни. Затѣмъ, въ пѣсняхъ встрѣчается ученіе о Filioque, о неорочномъ зачатіи пресв. Дѣвы, въ католическій счетъ 10 заповѣдей и т. п. Все это вполне естественно. Народъ, некомпетентный въ дѣлѣ религіи, вѣрилъ на слово своимъ пастырямъ. Это довѣріе вовлекло его въ унию, оно же и извлекло его изъ нея. Стихъ о вѣрѣ показываетъ съ какою легкостью подѣ

влияніемъ духовенства исчезаетъ „Filioque“ и католическая віра замѣняется православною. Вообще, частные католическіе догматы, особенно имѣющіе болѣе или менѣе отвлеченный характеръ и не получившіе отъ какого-либо выраженія въ жизни (какое напр. имѣютъ въ католичествѣ ученіе о чистилищѣ), такъ видно, держались въ народѣ слабо, исповѣдывались имъ въ простотѣ, безъ всякаго противоставленія православію, и потому представляли для него мало опасности. Опаснѣе тогда общій во всемъ, вѣдѣнный духъ, который, какъ сказывался въ вѣдѣніи во всемъ, даетъ направленіе религіозной жизни и отпечатлѣвается на характерѣ народа. Несвободность, пасивность, ослѣдѣніе религіи характеризуетъ католичество не только во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и во внутренней жизни. Здѣсь все направлено къ тому, чтобы подавить, задушить, заставить человека въ немъ сознание безсилія и безпомощности, и оставить его на порогѣ отчаянія и тогда нанести на него, истомленного, слабого и потому легкокоряго, овладѣть, связать и вести „а може не хочеші“. Этому соответствуетъ и мрачнѣйшій стиль костеловъ, и непонятный языкъ богослуженія, и властные звуки органа, то возносящія человека до небесъ, то повергающія въ прахъ, и вѣсны, отъ одного напѣванія которыхъ (не говоря о содержаніи) сердце сжимается, и тайны ксендзовской исповѣданія, и сила и вліяніе которой изидетъ на безжалостной эксплуатаціи надъ крѣпкими мученіями. Словомъ, чувство вѣрующаго придушено, угнетено, и потому находится въ постоянномъ напряженіи. Отсюда происходитъ тотъ особенный характеръ католической религіозности, который она рѣзко отличается отъ православной. Въ то время какъ въ послѣдней вѣбѣ духъ свободы, и кроткій, умиротворяющій, тихій, радостный молитвенно-созерцательный, — въ религіозности католика есть нечто раздраженное, изнеможенное, мятущееся, причающее, сладко-мучительное, чувственное до сладострастія. Въ этомъ и разгадка того сроднаго католичеству фанатизма. Этотъ-то мрачнѣйшій духъ сообщался отъ католичества униѣ и передавался народу. Преобладающими сюжетами его набожныхъ пѣсеней были смерть, страшный судъ, муки ада, страданія Христовы и т. п. Стихи о вѣбѣ наглядно показываютъ какую обстановку имѣло христіанское вѣрученіе и правоученіе и въ какой окресткѣ сообщалось народу: здѣсь, въ этомъ униатскомъ народномъ катихизисѣ, картина страшнаго суда и посмертнаго возмездія составляетъ добрую половину всего содержанія, и къ прочимъ истинамъ христіанства относится, какъ необходимая предпосылка ихъ, какъ таковое основаніе, при которомъ онѣ только и получаютъ полное значеніе. Такъ обр. въ народномъ сознаніи христіанство отражалось преимущественно тѣми своими сторонами, которые пробуждаютъ въ душѣ страхъ, скорбь, уныніе; подтѣ этими подавляющими чувствами складывалась христіанская жизнь; народъ, забытый и угнетенный физически, подавлялся и нравственно. Таковы были интересы времени; чтобы вознать народъ въ лоно католичества, нужно было обездичить его, сдѣлать изъ него робкое, послушное стадо. Характерно, что въ пѣсняхъ въ соб. смыслѣ народныхъ проглядываютъ болѣе свѣтлыя религіозныя представленія. Такъ, грѣшная дѣва одною исповѣдью очищается отъ своего страшнаго грѣха (католичество заставило бы ее пройти если не чистилище, то тяжкую „покуту“), Лазарь за одну свою несчастную долю въ сей жизни удостоивается лона Авраамова. Неясный ли это знакъ, что мрачнѣйшій колоритъ религіозности — не въ духѣ нашего народа? Не въ этомъ ли одна изъ при-

чинъ быстрого вымирания большинства набожныхъ пѣсеней и сравнительно большей живучести стиха о Лазарѣ? И такъ, разсматриваемая какъ напѣвники религіозной жизни народа, набожные пѣсни показываютъ, что народъ былъ не въ силахъ бороться съ чуждою пропагандою, и что католичество безпрятственно вторгалось какъ въ народное сознаніе своими догматами, такъ и въ народную жизнь своимъ общимъ вліяніемъ. Что же спасло народъ отъ совершеннаго окатоличенія? Что сохранило его для роднаго православія? — Католичество шло къ намъ рука объ руку съ польщиизмомъ; оно не могло прivityсь одно, а иривѣяно какъ элементъ послѣдней. Въ дѣлѣ охраненія православія несвѣдущему въ вѣбѣ народу могла принадлежать только вспомогательная роль, а главная — пастырямъ: что же могъ сдѣлать онъ, когда пастыри, обернувшись на унию, сдѣлались проводниками отъ католическаго вліянія? Напротивъ, съ польщиизмомъ народъ имѣлъ дѣло непосредственно самъ, и тутъ онъ показалъ себя достойнымъ носителемъ русскаго имени. Правда, онъ имѣлъ и еще поетъ нѣкоторыя польскія пѣсни. Но мы видѣли объясненіе этого явленія: отъ чего не сдѣлать стѣенное, ищущее исхода религіозное чувство? Что же касается до его быта и языка, то они остались нетронутыми со стороны польщиизма. Въ то время какъ высшіе классы сами шли въ объятія польско-католической пропаганды, перенимая все, начиная съ вѣры и кончая одеждою, народъ усиливается вездѣ отстоять себя. Усилие его отстоять вѣру заставило католическую пропаганду прибѣгнуть къ поддѣлкѣ подъ его вѣру (униѣ). Подобной поддѣлки не могло быть въ области народности: тутъ народъ самъ судья и рѣшитель. И что же мы здѣсь видимъ? — Онъ замѣтуетъ, но съ разборомъ, беретъ со стороны только то, въ чемъ по обстоятельствамъ времени настоятельно нуждается. Отсюда только на набожныхъ пѣсняхъ отразилось вліяніе польщиизма. Но и въ этой области, куда безпрятственно вторгалось католичество и гдѣ, по связи его съ польщиизмомъ, такъ естественно господство послѣдней, — народъ не подавляется превосходствомъ польской культуры, не замѣтуетъ стѣно, напротивъ, вноситъ свой трудъ: замѣтуя образъ, идею, онъ пытается перевести данное содержаніе на свой языкъ, дать ему свое, родное выраженіе, и успѣваетъ въ этомъ настолько, что нѣкоторыя замѣтованныя съ польскаго пѣсни, какъ мы видѣли, трудно отличить отъ его собственныхъ. Пусть народъ имѣлъ и польскія пѣсни, пусть нѣкоторыя передѣлки его съ польскаго неудачны, полны полщиизма, — это ничего не значить. Важны самыя попытки передѣлокъ, важна непокидавшая народа привязанность къ своему родному, такъ краснорѣчиво сказывавшаяся тамъ, гдѣ онъ принужденъ былъ заимать чужое. Такъ набожныя пѣсни, на почвѣ которыхъ народъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ польщиизмомъ, прекрасно характеризуютъ стойкость его въ началахъ своей народности. Насколько же элементъ народности у нашего народа связанъ съ православною вѣрою, настолько стойкость его въ первомъ охраненія его и во второмъ отношеніи. Даже болѣе того. Если въ общихъ фактахъ народной жизни позволительно усматривать идею, то въ этомъ стараніи дать родное выраженіе чуждому содержанію нельзя не видѣть вѣрности народа основному началу православія. Господствующій въ немъ духъ свободы не допускаетъ такого подавленія личности, какое видимъ въ католичествѣ, которое если бы могло, то отняло бы у человека все, — народность, языкъ, родину, вынуло бы самую душу и вложило бы вмѣсто нея правиль-

ную, но безжизненную формулу. Православіе напротивъ содѣйствуетъ развитію и индивидуальности какъ народа, такъ и личности. Неисчерпаемое богатство своего содержания оно охотно облекаетъ въ народныя формы. Народная церковь, свей, вышедшіе изъ народа пастыри, общенаятность богослуженія — таковы постоянныя и вѣрные снутники православія. Принципъ народности въ религіи унаслѣдованъ славянами, какъ завѣтъ первоучителей славянскихъ. На западѣ много пролилось за него славянской крови. Этому-то принципу народъ нашъ безсознательно былъ вѣренъ и ему слѣдовалъ, когда, перенимая польскія побожныя пѣсни, старался передѣлать ихъ по-своему, дать имъ свое, хотя и грубое, но родное выраженіе. А какъ здѣсь указывается отличительная черта православія, вѣющій въ немъ духъ свободы, то этотъ фактъ показываетъ, что народъ нашъ въ самой глубинѣ, стоя на порогѣ католичества, сохранилъ, такъ сказать, свою православную душу. Не легко было такой народъ пріучить къ латинскимъ „мшамъ“ и польскимъ „литаніямъ“, къ чему унія хотѣла постепенно привести его. Напротивъ, охотно и радостно онъ долженъ былъ откликнуться на голосъ, призывавшій его къ возвращенію въ лоно истинной его матери — православной церкви. *М. Демьяновичъ.*

Великій постъ, пассія и святая въ г. Диснѣ, въ былое время.

„И та земля, которая не держится своихъ обмаетъ, не долго стоитъ“. Литвионецъ.

Уѣздный городъ Дисна, какъ извѣстно до 1842 года, т. е. до учрежденія Ковенской губерніи, вмѣстѣ съ г. Вилейкою, принадлежалъ къ Минской губерніи и въ церковномъ отношеніи подлежалъ вѣдѣнію Минской епархіи. Архіепископы до 1812 года носили титулъ „литовскаго, минскаго и брацлавскаго“, а такъ какъ они поставлялись съ вѣдома кievскаго митрополита, то къ этому титулу еще прибавлялись слова „и коадьюторъ кievской митрополи“. Мѣстопробываніе всѣхъ архіепископовъ минскихъ было въ г. Слуцкѣ; послѣднимъ былъ архіепископъ Аптоній Зубко, при которомъ архіепископская кафедра, вмѣстѣ съ духовною консисторіею и духовною семинаріею, изъ Слуцка перенесена была въ губернскій городъ Минскъ*).

Тѣсная связь Слуцка со своею митрополіею — Кіевомъ, по нашему мнѣнію, и служила главною причиною введенія въ Минской епархіи разныхъ церковныхъ обрядовъ, какіхъ придерживался стольный Кіевъ, мать городовъ русскихъ и первая колыбель нашего христіанства. Укажу въ данномъ случаѣ на пассіи, сохранившіяся только въ Слуцкѣ, Минскѣ, Диснѣ и Брестѣ Литовскомъ. Въ Диснѣ совершались онѣ до года кончины настоятеля дисненской Воскресенской церкви, протоіерея Ѳ. С. Соловьевича, по смерти котораго были, неизвѣстно почему отмѣнены его преемникомъ, священникомъ о. Александромъ Грязновымъ, т. е. съ 1871 года.

Думаю, что для читателей Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей небезынтересенъ будетъ мой рассказъ или, вѣр-

*). Первымъ архіепископомъ былъ Викторъ Садковскій, извѣстный поборникъ и ревнитель православія, скончавшійся 11 ноября 1803 г. въ Черниговѣ.

нѣ, описаніе этихъ пассій, значительно отличавшихся отъ существующихъ нынѣ, такъ какъ онѣ соединялись съ полнымъ трауромъ въ храмѣ и цѣлый великій постъ. Въ „прощеное воскресенье“ тамъ е. в. сыропустъ, и внутренняя обстановка храма, но окончаніи вечерни и ирмиды, малая совершенно иной видъ предѣлительнаго инакомыслия молящемуся великій постъ и Того, за Котораго мы должны постигать этотъ постъ. Храмъ былъ трехпрестольный, въ 8-мъ ярусѣ. Большая икона въ концѣ первого яруса имѣла серебряно-вызолоченныя ризы, а именно: мѣстныя въ храмовая и алѣвая боковая. Св. Троицы; въ надѣ царскими вратами главнаго престола помѣщалась, какъ бы въ нишѣ, большая чудотворная икона Божіей Матери Одигитрія Смоленской; въ надѣ вратами праваго придела во имя св. праведной Анны — икона Божіей Матери Треручицы; въ надѣ вратами лѣваго придела — икона трехъ святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго; въ иконостасѣ Одигитрія — возвышалась громадныхъ размѣровъ икона Іисуса Христа въ архіерейскомъ облаченіи, по ящичу Мелхиседека. Всѣ эти четыре иконы, также были въ серебряныхъ окладахъ. Вотъ эти-то иконы закрывались другими, соотвѣствующими мѣсту, и зачасными, и нарочно для того приготовленными, и писанными масляными красками на холстѣ и вставленными въ деревянныя рамы; изображенія на онѣхъ займствованы были изъ исторіи страданій Божьего человека*). Но этого мало: всѣ зачавшья иконы первого яруса снимались; снимались большія висющія посеребренныя лампы у каждой изъ нихъ и замѣнялись металлическими большими подсвѣчниками; хоругви изъ храма убирались въ алтарныя части, гдѣ всѣ зачавшья у трехъ царскихъ вратъ изъ яркой цвѣтной матеріи замѣнялись темными цвѣтомъ таковой. Нечего и говорить о томъ, что всякая престольная икона и утварь убиралась въ ризницу и замѣнялась старою. Приходите вы на слѣдующій день къ богослуженію и буквально не узнаете вчерашняго храма. Предъ вами бѣдность, простота, какой-то полумракъ, ни одной блестящей иконы въ алтарѣ, ни престолахъ. Вся работа по такой уборкѣ лежала на членахъ православнаго братства при Воскресенской церкви, основаннаго въ 1610 году, при началѣ церковной уніи и утвержденнаго митроп. Варлаамомъ Ясинскимъ**).

Иконы нижняго яруса открывались только въ высокочественные дни (въ родѣ 19 и 26 февраля), въ праздники Благовѣщенія, Воскрешенія Лазаря и Вербное Воскрешеніе. Съ перваго воскресенья первой недѣли поста начиналась пассія или, по мѣстному выраженію, „евангеліа“. Во время чтенія за вечерней „стихирь на стиховнѣ“, при ибнѣ на „слава и нынѣ“ стихирь „Тебо одѣюагоса“, раскрывались царскія врата главнаго престола и изъ алтаря священнослужитель, облаченный въ эпитрахиль и фелонь, выносилъ на середину храма св. евангеліе, т. е. обложенное въ черныя бархаты съ серебряными наугольниками и св. расягтіемъ посредишѣ, которое и полагалось имъ на аналой, облаченный въ траурное одѣяніе. Слѣдовало каждое евангеліе, алтарной части, гдѣ всего иконостаса и народа, послѣ чего слѣдовало возгласъ „и о сподобитися намъ“ и затѣмъ на-

*) Тоже было „въ оно время“ въ Брестѣ — въ старомъ городѣ, въ Бѣльскѣ въ Николаевской древле-православной монастырской церкви и нѣкоторыхъ др. мѣстахъ.

**.) Существуетъ ли теперь это учрежденіе, много принесшее добра какъ для православной церкви, такъ и для школы?

чиналось чтеніе евангелія, выслушиваемое всѣми молящимися, непрѣменно колѣнопреклоненными. По окончаніи чтенія евангелія, священнослужитель проносилъ и поученіе на текстъ этого евангелія и переходилъ къ назиданію современнаго общества и указанію на болячки и недуги его. Помните мыъ какъ теперь (а это было 30 лѣтъ тому назадъ), что слово пастыря каждый разъ заставляло молящихся плакать и каяться въ своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхахъ. Плавко, просто, убѣдительно шло слово проповѣдника — пастыря, окруженнаго его паствою. Много между молящимися можно было видѣть и католиковъ, со вниманіемъ, на колѣняхъ, слѣдившихъ за чтеніемъ св. евангелія и страстей Христовыхъ и затѣмъ выслушивавшихъ слово назиданія священнослужителя*).

По окончаніи проповѣди, слѣдовало пѣніе евангельской стихиры „Придите ублажимъ Иосифа престопамятнаго“, и затѣмъ богослуженіе заканчивалось малымъ повечеріемъ. Такъ продолжалось до четвертаго воскресенія включительно. Въ среду, на шестой недѣли, какъ извѣстно, у насъ бываетъ „Андреево стояніе“. Въ Диснѣ и этому великопостному служенію придавался особый отбѣнокъ. Благословствъ въ церкви начинался въ 9 1/2 часовъ вечера**) и къ богослуженію настоятель приступалъ ровно въ 10 часовъ, причемъ всѣмъ каноникъ Андрей Критскаго читался***) имъ дѣликомъ, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній. Это было дѣйствительно стояніе, потому что богослуженіе заканчивалось около 3 часовъ утра. И никто не былъ въ претензіи: „на то и постъ“, чтобы молиться, — смиренно и безапелляционно замѣчали усердные богомольцы! На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, говоршалась ранняя обедня св. Іоанна Златоуста, рожнесвященная специально для приобщенія св. таинъ дѣтей-младенцевъ. На страстной седмицѣ, начиная съ понедѣльника, какъ извѣстно изъ утренней положено, по уставу, чтеніе св. евангелія, и опять таки послѣ евангелія слѣдовала проповѣдь. Чтеніе 12-ти евангелій или, такъ называемый, „чтинъ послѣдованія страстей Христовыхъ“, начинался тоже въ 10 часовъ вечера, при чемъ пѣніе раздѣлялось на два клироса: на правомъ — любители, и подъ руководствомъ псаломщика, а потому пѣвчіе, и хоръ которыхъ образовалъ незабвенный А. А. Брапловскій, знатокъ церковнаго пѣнія (онъ былъ въ Диснѣ вѣднимъ судьей въ 60-хъ годах), — а на правомъ хоръ братчиковъ. Въ антифонныя стихиры не читались, а непрѣменно пѣлись на гласы****). По окончаніи богослуженія, богомольцы уносили домой зажженные „страстныя“ свѣчи и въ комнатахъ, конотью отъ нихъ дѣлали кресты у образовъ и надъ входными дверями каждой комнаты.

*) Что и нѣкоторые читатели не заподозрили меня въ пристрастїи къ своему отцу, ссылаюсь на свидѣтелей очевидцевъ, — проживающихъ и до сихъ поръ здравствующихъ въ г. Диснѣ: диаконъ Антонъ Сильвестровичъ Петрашко (былъ при Воскресенской церкви прежде псаломщикомъ), и. д. псаломщика Никифоръ Кіановскій (былъ пономаремъ и „старшимъ братчикомъ“) и дочь дисненскаго городничаго, Фотинія Алексѣевна Савичъ.

**) Въ Гродненской губ. во многихъ мѣстахъ это служеніе начиналось около 9—10 ч. вечера и продолжалось до 1—2 ч. ночи. Такъ ли теперь, при новыхъ людяхъ, — не можемъ сказать. Ред.

***) А мы сами участвовали съ тѣмъ всего канона — въ одной изъ церквей Гродн. губ. Ред.

****) Чтеніе евангелій совершалось поочередно тремя священнослужителями. Антифоны и теперь поются во многихъ церквяхъ, гдѣ поддерживаются старые порядки выносимыми на труды священниками.

Страстная седмица — это для братчиковъ была самая рабочая недѣля. Каждый изъ нихъ по своему ремеслу долженъ былъ что-нибудь сдѣлать для чистки и украшенія храма: одинъ занимался частью иконостаса, другой — наикадила и лампады, третій — подсвѣчниковъ, четвертый — серебряныхъ на иконахъ ризъ, пятый починою и глаженьемъ занавѣсей (послѣдняя работа, впрочемъ, всегда возлагалась на моихъ сестеръ).

Вотъ наступила и великая „благословенная“ суббота. 8 часовъ вечера. Раздается съ колокольни протяжный звонъ въ одинъ колоколъ. „Звонять на дѣянія“. Иду съ отцомъ въ храмъ, гдѣ, послѣ него благословенія и начинаю чтеніе „Дѣяній св. апостоль“, которое скоро и уступаю любителямъ такого чтенія и иду въ алтарь помогать отцу: переоблачать престолы и жертвенники въ свѣтлыя, блестящія, праздничныя облаченія. Въ алтарѣ много братчиковъ; каждый дѣлаетъ свое дѣло. Изъ пріотворенной двери бокового алтарнаго выхода несется ароматный запахъ оли и можжевелника, которымъ во время крестнаго хода будетъ высыпана весь полъ храма; а его пока только еще рубятъ братчики на вѣтки. У иконостаса стоятъ громадныя лѣстницы: то около 15-ти братчиковъ заняты вставку приготовленныхъ ими и за свой счетъ изъ чистаго желтаго воска свѣчой, отъ 1 до 6 — 7 фунтовъ въсомъ каждая, смотря по величинѣ иконостасныхъ иконъ: предъ каждою иконою непрѣменно должна быть свѣча.

Въ 11 1/2 часовъ начинается полунощница и затѣмъ слѣдуетъ крестный ходъ, въ которомъ принимаютъ участіе непрѣменно три священнослужителя. Двигается онъ медленно, по выходѣ изъ храма, гдѣ теперь начинается самая горячая работа для братчиковъ: до возвращенія крестнаго хода въ храмъ они должны вотъ что сдѣлать: зажечь всѣ свѣчи какъ предъ всѣми иконостасными и боковыми иконами, отъ нижняго яруса до самаго верхняго, и высыпать полъ елками и можжевелниками, и пакурить благовоннымъ ладаномъ и травами, открыть иконы, переоблачить гробъ, на которомъ лежала плащаница въ свѣтло-голубомъ (розовый бархатъ подъ бѣлою кисею) и оставить на немъ: посрединѣ — большую икону Воскресенія Христова, а на сторонахъ изображенія трехъ мученицъ и ангела, отваливающаго камень отъ гроба и положить два пароса: на одномъ изображенъ Воскресшій Христосъ съ побѣдною хоругвию, а на другомъ крестъ и у него магнетьца (ягненокъ). Все это дѣлается безъ шума, безъ суетливости, солидно: каждый знаетъ, что ему нужно сдѣлать. Къ возвращенію въ храмъ крестнаго хода, церковь перерождается и невольно народъ вторить клиру „Христосъ воскресъ“, и потому что онъ воочию видитъ воскресеніе храма. Сколько велика и торжественна для души и сердца эта минута! Какъ величаво выглядитъ въ это время храмъ Божій, весь залитый огнями и блестящими обновленными серебряными окладами иконъ; и вотъ дарохранительница на престолѣ такъ и горитъ своими огнями — камнями; на лицахъ богомольцевъ играетъ радость. Все ожило, все воскресло вокругъ. Забыта скорбь, большия, потери, друзей и родныхъ, забыты недруги при пѣніи дивныхъ словъ воскресной пѣсни: „и ненавидящимъ насъ простимъ вса воскресеніемъ!“ и однезъ, оное, окамъ, фелси

*) Настоятель Воскресенской церкви, настоятель Николаевской церкви (сгорѣвшей и до сихъ поръ невозобновленной) и заштатный священникъ слободы Диснѣ, Витебской епархіи, о. Іоаннъ Богдановичъ (нынѣ умершій).

Видно кончается утренняя; священнослужители выходятъ изъ алтаря, христосоваться съ народомъ; духи первенствующаго въ рукахъ крестятъ, а у остальныхъ двухъ — св. евангеліе и икона Воскресенія Христова; и обѣ послѣднія вещи возлагаются на толь же гробъ — который и дѣлаетъ и до Оминого воскресенія и до Пятна, гдѣ и живонъ и живонъ —

Видно За литургією, которая, конечно) слѣдовала сейчасъ же за заутреней, чтеніе евангелія сопровождалось звономъ во „вся тяжкая“ и „но не такъ какъ это дѣлается теперь, а иначе и болѣе рационально“ священникъ начинаетъ: „Вначалѣ бѣ Слово, а Слово бѣ у Бога, а Богъ бѣ Слово“, — останавливается; и причетникъ и колокольчикомъ посылаетъ повѣстку на колокольную нотамъ сразу ударяютъ во всѣ коды; когда по началу звонъ прекратится (обыкновенно, всего только въ три такта), священникъ же продолжаетъ чтеніе, а ожидаетъ окончанія звона: на колокольчикъ звонъ утихаетъ; священникъ продолжаетъ: „Сей бѣ иконы къ Богу, да все Гѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть и еже бысть“, — и опять пауза, опять до окончанія евангелія. Такой порядокъ, по моему, вполне соответствуетъ своему назначенію: звонъ во время чтенія евангелія обозначаетъ, что каждое слово Иисуса Христа, въ какъ и звукъ колокола, разносится, съ минуты воскресенія, всю вселенную; и тотъ же колокольный звонъ не имѣетъ отъ какъ это бываетъ тамъ, гдѣ онъ безпрерывно продолжается во время чтенія всего евангелія, богомольцамъ слушать назидательныя слова Иоанна Богослова. Да, въ былое время хорошо было молиться, молиться осмысленно, отъ полноты сердечнаго христіанскаго чувства! Жаль доброй старины! Не воскреснетъ уже она!

О. Соловьевичъ.

О состояніи церковно-приходскихъ школъ въ г. Брестѣ.

Въ засѣданіи Гродненскаго губернскаго отдѣленія Литовскаго епархіальнаго училищнаго совѣта 1892 года февраля 11 дня № 3 заслушано: сообщеніе председателя Гродненскаго губернскаго отдѣленія училищнаго совѣта Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Іосифа, епископа Брестскаго, слѣдующаго содержания: въ 1-ое февраля, бывъ въ г. Брестѣ, жаль сообщилъ, между прочими учрежденіями, конечно, и тамошнія церковныя школы: церковно-приходскую и школу грамоты. Обѣ школы представились въ добромъ видѣ. Церковно-приходская школа номѣщается въ собственномъ, довольно представительномъ, соответствующемъ своему назначенію домѣ, — номѣщеніе скромное и чистое; — полно учащимися мальчиками и дѣвочками, и съ видимою святыею на видномъ мѣстѣ, обставлено изображеніями релігіознаго содержанія. Учительница сей школы, въ школьномъ домѣ живущая, замѣтно свѣдущая въ дѣлѣ, и видѣ приверженная и по всему очевидно, весьма усердно занимающаяся своимъ дѣломъ, дѣтей любящая и наблюдающая ихъ внимательно вмѣстѣ съ законоучителемъ и наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ Брестскаго благочинія, соборнымъ же Брестскимъ священникомъ; учащіеся видимо въ прекрасномъ съ учительницей единеніи; она старательно дѣлаетъ съ учащимися при мнѣ въ школѣ; умѣло, ровно, усердно и съ достоинствомъ держитъ лѣвый клиросъ съ учениками и ученицами въ соборномъ,

своими приходскимъ храмъ; во время моего служенія, правдою и всеночной въ ихъ соборѣ и подъ и правдою Срѣтній Господня и божественной литургіи въ самый праздникъ, сія церковно-приходская школа съ учительницей и съ мальчиками и дѣвочками и въ иже и вѣдуюмъ для 2-го хора; и по чередили стихиры и ирмосы и ирофы, ровно и прекраснѣи въ все, въ полномъ соответствіи и вѣтнзому и артистическому и въ ию праваго хора; тутъ же; на оди и въ мальчиковъ ея отлично читали и шестое замѣло за всеночной и вѣдасы, за литургіей — громкомъ отчетливо и вѣтно, и ровно, и свободно и благоговѣнно.

Школа грамоты — въ сторожкѣ Брестской св. Николаевской церкви и наполняется собою и все второе номѣщеніе, этой и чительной сторожки; въ первой комнатѣ и вѣтнз, и занимаемой семействомъ сторожа, учить дѣтей прѣстарѣльнѣ сторожъ, тоже какъ и отецъ своихъ и дѣтокъ или дѣтокъ — и учить. — Третья и церковная школа въ Брестѣ встрѣчена мною въ церкви Ревельскаго иполка, которую я въ ряду другихъ храмовъ города тоже и посѣщала; дѣти почти до 100 человекъ — съ своими учителями и въ и полковыхъ офицеровъ во главѣ — стройно и на оди и этого небольшого, благоустроеннаго, съ деревянной колокольной надъ входомъ, храмъ; учащіеся изъ нихъ въ хорѣ и въ съ хоромъ. Имѣть и вѣдуюмъ своею ипокою (дивизионный благочинный протоіерей о. Михаилъ Золотуха) и ту и же — дѣти военныхъ и лицъ и мѣстныхъ жителей. — Школа крѣпостная изъ мальчиковъ и особо дѣвочекъ тоже была въ и на иномъ своемъ составѣ съ учащими въ ней и духовенствомъ крѣпостнаго собора — въ соборѣ съ и при посѣщеніи его мною. —

Сирава: Учительницей Брестской церковно-приходской школы состоитъ съ 1-го января 1885 года дочь священника, окончившая училище при Виленьскомъ женскомъ монастырѣ, дѣвица Марія Игнатьева Радзивиновичъ, и вѣтнз и вѣтнз. —

Вслѣдствіе сообщенія и председателя Гродненскаго губернскаго отдѣленія училищнаго совѣта (Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іосифа, епископа Брестскаго, Его Высочайшимъ Преосвященствомъ, Высочайшимъ Представителемъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленьскимъ, и при одано Архiepiscopalскою революцією 21 февраля № 506, в Архiepiscopalскою благословеніе учительницѣ Брестской церк.-приходской школы дѣвчнцѣ Маріи Радзивиновичъ, за ея похвальныя труды и занятіе въ школѣ. — Самое же сообщеніе, полностью и напечатать (въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, согласно журнальному и установленію отдѣленія.) (Сообщено).

По случаю неурожая за 75 коп.

вмѣсто 2 руб. сер.

3-хъ голосная партитура церковнаго пѣнія 8-ми голосовъ. Для школьнаго хора.

Ніевъ. Н. Д. Абрамскій.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Вильна. Губернская Типографія. Ивановская у. № 11.

Дозволено цензурою.

Цензоръ, Каендральный, Протоіерей *Петръ Девичскій*.